

священным: мистам и вакханкам. Обряд инициации неопита заключается в причащении от чаши, в которой смешивалось молоко с медом. Особую роль здесь играли различные магические действия, заклинания и мистические таинства — сцены, воспроизводившие смерть и воскрешение Диониса. В жертву приносились животные, сырое мясо которых орфики поедали, экстатически сливаясь с Вакхом. Во время Анфестерий совершалось «омовение мертвых» очистительной водой, символически возливаемой на могилы. Производился ритуал священного брака между женой Афинского архонта и Дионисом.

Парадигма — «пример», «образец». Понятие, которое выражает в философии Платона отношение между идеальной и чувственно-телесной сторонами бытия. Бытие идей-эйдосов представляет собой образчик, взирая на который Ум-Демург создает телесный Космос (см. «Тимей»). В неоплатонизме парадигма приобретает иной смысл. Ум отождествляется со средой идей. При этом парадигма превращается из внешней, идеальной для мышления картины во внутреннюю его определенность. Отсюда берет исток новоевропейское понимание данного термина, характерное и для современной культуры. Парадигма — исторический горизонт мышления, внутренняя его определенность, воспринимаемая человеком как всеобщая и незыблемая, однако меняющаяся с каждой новой культурной эпохой («античная парадигма», «средневековая парадигма» и т. д.). Тот же смысл, но в применении к методам частных, родственнонаучных дисциплин, имеет понятие «парадигма» в философии науки XX в.

Христианская культура ассимилировала оба (платонический и неоплатонический) смысла «парадигмы». Бог творит человека по Своему Образу и Подобию. Однако для человека парадигма — вовсе не нечто внешнее, ибо он — образ Божий, следовательно, он несет ее в себе. Что касается русской религиозной философии, то здесь парадигма оказывается связанной с понятием Софии, ибо как чистая заданность последняя имеет и смысл «образца», «идеала», направляющего творческую активность.

Пневма (греч. «дуновение», «теплое, согретое в себе дыхание», «дух») — понятие в греческой философии и теоретизирующей медицине, которое первоначально указывало на связь душевной деятельности с телесной структурой человека. При этом пневма подчас отождествлялась с душой (последнее дыхание человека, с которым душа отлетает от тела) или же растворялась в крови как особая субстанция (Гален). Трансформация смысла пневмы заключалась в выдвигании на первый план в нем духовной стороны. Из дыхания пневма превращалась в дух, что окончательно зафиксировано в имени 3-й ипостаси христианского Бога — «дух Божий» (πνεῦμα ἅγιον).

Характерно, что в античности Дух-пневма мыслился как особого рода телесность. Главная характеристика его — стремление вверх, к высшим, истинным сферам Космоса. Пневма — своеобразный чувственный вариант платоновской идеи Эроса — силы, которая возносит человека к подлинному знанию. Далее всего пошел стоицизм, отождествивший центр пневматической активности в человеке с «ведущим» — воплощением Зевса-Логоса в индивидууме. При этом, правда, «ведущее» (или «внутренний логос») трактовалось стоиками как рассудочная деятельность, однако «пневматическая» его сторона ясно указывала на то начало в человеке, к которому апеллировали последователи Зенона Китионского. Речь идет о воле. Особенность воли состоит в том, что любой ее акт переживается человеком, и, следовательно, она кажется доступной ощущению. Не удивительно поэтому, что античная культура представляла ее как нечто телесное, хотя и необычайно неуловимое. Начиная с римского стоицизма воля (обозначаемая как «ведущее», пневма, иногда как «сила стремления») становится тем началом, что снимает ограниченность человеческого разума и возносит его к Абсолюту. Христианство продолжает эту линию, наделив и сам Абсолют волей-пневмой.

Таким образом, понятие «пневма» характеризует античное и в значительной мере средневековое понимание духа. Дух связывался с волей. Интеллектуализация же его происходит только в новоевропейской культуре.

Ритуал (от лат. *ritus* — «религиозный обряд», «принятый порядок»). Имеет этимологическое родство с *ratio* — «счет», «разум». В ведическом санскрите ему родственно понятие «*ṛita*» — «закон», «порядок», «ритуал» — сумма действий, воспроизводящих некоторые существенные характеристики бытия. Ритуал есть повторение последних не на уровне религиозно-метафизического созерцания, или научной теории, а на уровне поведения (прежде всего религиозного; светский ритуал, как бы он ни отличался от культового, вторичен и восходит к тем же корням). Ритуал — это не просто «отражение» высших структур мироздания, но и закрепление их, иногда даже — инициирование. Поскольку содержание ритуала развернуто в последовательность действий, он сопровождается мифом, «священным сказанием», объясняющим «сюжет» культового акта. Тот, кто совершает ритуал, принимает на себя функции тех сакральных фигур, что стали его источником. Так, в античных Дельфах ежегодно разыгрывался обряд убиения Аполлоном Пифона, а в Египте столь же регулярно во время религиозных праздников изображались основные сюжеты мифа об Осирисе и Исиде. Участники этих празднеств становились фигурами онтологически и религиозно значимыми — отсюда и мистериальный дух, присутствующий во всех священнодействиях. Ритуал характеризует пре-

жде всего культовую жизнь, однако древняя философия не раз воспроизводила в своих понятиях отдельные стороны религиозного обряда. Можно вспомнить «окрыленную» упряжку-душу из платоновского «Федра», которая на самом деле есть парафраз на «крылатых эротов», управляющих колесницами во время Элевсинских таинств. Можно указать и на ритуальные по происхождению «невывысказывание» скептиков, «молчание» неоплатоников. Впрочем, и новоевропейская концепция «метода» возникла из идеи «ритуала-матезиса» возрожденческих алхимиков. В XX столетии вопрос об исторической роли ритуала наиболее остро был поставлен так называемой «кембриджской школой ритуалистов» (20–30-е гг. XX столетия: Хук, Раглан, Джемс и т. д.). Представители этого направления именно ритуал считали источником мифа, эпоса и даже рации. Своеобразной реакцией на творчество «кембриджской школы» стало внимание к ритуалу в философской культурологии, например, у таких несхожих фигур, как Гадамер и Элиаде.

Пиррон из Элиды в Пелопоннесе (ок. 360–270 до н. э.) — древнегреческий философ, основатель скептицизма как самостоятельной философской школы. Скептическая ориентация в той или иной мере характерна для всей греческой культуры вообще, но именно Пиррон придал античному скепсису ту неповторимую и законченную форму, в которой его образ сохранился до наших дней. Он не оставил никаких сочинений, но весь его образ жизни был воплощенным скепсисом. Согласно Диогену Лаэртию (9.61), Пиррон сформулировал свою философию благодаря общению с индийскими гимнософистами и магами, с которыми встречался, участвуя в походе Александра Македонского. В зрелом возрасте Пиррон занимал в своем родном городе должность верховного жреца и даже был почтен бронзовой статуей на главной площади. Он первым отказался от утверждения и отрицания, т. е. по существу от предикации, основным способом философствования ему представлялось эпохэ (воздержание от суждения). Скептик, согласно Пиррону, постоянно исследуя и подвергая все сомнению при помощи так называемых «скептических выражений» (например, «ничуть не более»), воздерживается от суждения (воздержание было позднее формализовано Энесидемом в виде так называемых скептических «тропов») и как результат этого достигает невозмутимости (*ataraxia*) и обретает блаженство (*eudaimonia*), причем такое, которое принципиально отличается от того счастья, о котором говорят приверженцы эвдемонических философских систем. Подобное восхождение мудреца к бесстрастности, беспечальности и самодостаточности более всего напоминает процесс возвышения души к Богу, описываемый мистиками, соответствует различным обрядам очищения и постижения божественного Ничто, растворения в божественной полноте. Можно предположить также нали-